

Васса Железнова

Автор:

Максим Горький

Васса Железнова

Максим Горький

классика М.Горький

Максим Горький: «Женщина иногда может в своего мужа влюбиться»

Максим Горький

Васса Железнова

Действующие лица

Васса Борисовна – лет 42, кажется – моложе.

Сергей Петрович – 60 лет, был капитаном, плавал в Черном море, потом служил на речных пароходах.

Прохор Борисович Храпов – 57 лет, брат Вассы.

дочери Вассы

Наталья – 18 лет

Людмила – 16 лет

Рашель – сноха, под 30 лет.

Анна Оношенкова – за 30 лет, секретарша и наперсница Вассы.

Мельников – член окружного суда.

Евгений – сын его.

Гурий Кротких – управляющий пароходством.

горничные

Лиза

Поля

Пятеркин – лет 27–30, бывший солдат и матрос речного пароходства, на голове у него – чалма густых, жестких волос, холеные усы.

Первый акт

Большая комната, угол дома; здесь Васса прожила лет десять и проводит большую часть дня. Большой рабочий стол, перед ним легкое кресло с жестким сиденьем, несгораемый шкаф, на стене обширная, ярко раскрашенная карта

верхнего и среднего течения Волги – от Рыбинска до Казани; под картой – широкая тахта покрыта ковром, на ней груды подушек; среди комнаты небольшой овальный стол, стулья с высокими спинками; двойные стеклянные двери на террасу в сад, два окна – тоже в сад. Большое кожаное кресло, на подоконниках – герань, в простенке между окнами на полу в кадке – лавровое дерево. Маленькая полка, на ней – серебряный жбан, такие же позолоченные ковшички. Около тахты дверь в спальную, перед столом – дверь в другие комнаты. Утро. Через дверь и окна комната очень весело освещена солнцем конца марта. Вообще комната очень просторная, светлая, веселая. Входят Васса, Кротких.

Васса. Три с полтиной за тысячу пудов – тридцать пять сотых копейки с пуда, это, конечно, маловато для грузчиков товаро-пассажирских пароходств – им приходится таскать грузы и за двадцать сажен и дальше. Вырабатывают они в среднем целковый в сутки, а едят много и без мяса – не живут. Вот вам бы на это обратить внимание, статеечку в газеты заказать, найти человечка, чтобы с грузчиками потолковал. Найдете такого?

Кротких (весело). Найдём!

Васса. Ну вот! Надобно крупные пароходства прижать, а наше хозяйство – мелкое, и груз – мелкий, у нас свои матросы перебрасывают его с парохода на пристань, грузчиками пользуемся изредка, как вы знаете.

Кротких. Это не совсем так. Матросам два рубля с тысячи – мало!

Васса. А за что больше-то? Вот вы устройте, чтоб «Кавказ-Меркурий» и прочие до пятишницы с тысячи пудов цену подняли, тогда наши пароходики охотнее грузиться будут, ну и мы прибавим матросам. Так-то! Уж извините, – записочку эту вашу я бракую.

Кротких (морщится). Видите ли, Васса Борисовна...

Васса. А вот вы потолковали бы с гончарами, с мелкими мельниками, вообще – с кустарщиной, сделали бы им уступочку, чтобы они нам грузы давали, вот это полезно было бы...

Кротких (не без гордости). Прошлый год кончили хорошо, прибыль солидная!

Васса. Что же это: все хорошо да хорошо? Надобно еще лучше, а то скучно жить будет все только в хорошем. Ну, будьте здоровы! На меня дела плывут.

Кротких молча кланяется, уходит.

(Прислушивается.) Анята!

Входит Анна.

На-ка вот, сними копии живенько! Ворчит Гурий?

Анна. Да, недоволен.

Васса. Что сказал?

Анна. Не разобрала. Что-то о консерватизме.

Васса. Конечно. Социалист, видишь ли! А ему социализм, как Прохору – бог: по привычке молится, а душой – не верит. Ты краснобайству его не верь... О чем вчера беседовали?

Анна. Рассказывал о сотрудничестве немецких социалистов с королем ихним.

Васса. Гляди, как бы он тебе брюхо не натискал социализмом своим.

Анна. Нет, уж я выучена! Он за Натальей Сергеевной ухаживает.

Васса. Знаю. Ну, Натка не глупа.

Анна. Он и за Людочкой...

Васса. Видишь, какой... разносторонний.

Звонок по телефону.

Да, я. Пожалуйста. Жду. Это квартирант – Мельников. (Отпускает ее движением руки. Стоит у стола, раздумывая, перебирая бумаги и переставляя вещи, хмурится, глядя вперед.)

Мельников (из комнаты Анны). Доброе утро, многоуважаемая.

Васса. Спасибо. Притворите дверь. Садитесь. Ну, что?

Мельников. Новости невеселые. Предварительное следствие закончено, поступило прокурору. Следователь уверяет, что смягчил, как только мог.

Васса. За три-то тысячи мог бы и совсем смягчить.

Мельников. Невозможно. Я читал показание этой бабы-сводни, она там пооткровенничала, как на исповеди.

Васса. Значит, суд будет?

Мельников. Неизбежно.

Васса. Наказанье-то какое?

Мельников. Возможно – каторжные работы.

Васса. Как это называется у вас?

Мельников. Что именно?

Васса. Баловство это... с детьми?

Мельников. Раствление...

Васса. И слово какое-то... липкое! Теперь – что будет?

Мельников. Прокурор составит обвинительный акт, вручат акт обвиняемому, арестуют его.

Васса. Всех троих? И сводню?

Мельников. Конечно.

Васса. А прокурор может еще... смягчить?

Мельников. Прокурор – может. Но наш метит на высокую карьеру и едва ли решится. Хотя есть слух, что со стороны соучастников... деяния – хлопчут.

Васса. Ага! Ну те-ка, давайте похлопочем и мы. Попробуйте, прошу вас. Предложите прокурору сделку, чтобы не заводил шума. Мне нужно похерить это дело, совсем похерить! У меня – дочери.

Мельников. Васса Борисовна, при всем моем уважении к вам и при всей благодарности за великодушие ваше...

Васса. Вы – короче! О благодарности будем говорить, когда кончим дело это мирно и прилично. Действуйте.

Мельников. Я – совершенно не в состоянии... Не могу.

Васса. Имейте в виду, мне денег не жалко... на этот случай! Удастся – векселя ваши возвращаю вам. Могу добавить еще тысячи полторы. Будет пять. Довольно?

Мельников. Да, но... все-таки я...

Васса. А вы – смелее!

Мельников. Лучше, если бы вы сами...

Васса. Ну, это слишком жирно будет для прокурора, чтоб я ему кланялась. Платить – согласна, а кланяться – нет! К тому же я – человек грубый, прямой. У

меня – не выйдет. Вы сегодня же, пожалуйста! Потом позвоните и скажите цифру. Желаю успеха. Ну-с?

Мельников. Разрешите откланяться... Спешу в суд.

Васса. Да, да, спешите! (Сидит, закрыв глаза. Выдвинула ящик стола, чего-то ищет. Нашла коробочку, рассматривает содержимое, помешивая его вставкой пера. Шум за дверями. Быстро спрятала коробочку в карман.)

Входит Людмила.

Людмила. Здравствуй, мама Вася! Милый мой, удивительный сон видела я, удивительно красивый...

Васса (целуя ее). Для тебя, Людок, и явь хороша.

Людмила. Нет, послушай...

Васса. За обедом расскажешь.

Людмила. Там Натка смеяться будет, или еще кто помешает, или я забуду. Сны ужасно легко забываются. Ты здесь послушай.

Васса. Нет, Людок, иди! И пришли мне Лизу живенько.

Людмила. Ах, боже мой! Какая ты сегодня недобрая!

Васса (одна, ворчит). Недобрая.... Эх, дурочка...

Лиза пришла.

Брат жалуется, что ты не слушаешь его, замки не смазала.

Лиза. Васса Борисовна, не успеваю я. Одна для всех, на весь дом... Трудно мне! Дайте помощницу, девчоночку какую-нибудь...

Васса. Этого – не жди! Терпеть не могу лишних людей в доме. Тебе помогают барышни. Получаешь – хорошо, старайся. Меньше спи. Брат – дома?

Лиза. Нет.

Васса. Сергея Петровича позови ко мне. (Стоит среди комнаты, думает, щелкает пальцами, щупает карман.)

Железнов – в халате, растрепанные курчавые волосы, щеки, подбородок давно не бриты, толстые седые усы.

Только что встал или спать собираешься?

Железнов. Что тебе надо?

Васса (плотно притворяя дверь в комнату Анны Оношенковой). Не кричи. Не страшен.

Железнов возвращается к двери.

(Обошла его, притворила и эту дверь.) Обвинение твое утвердил прокурор.

Железнов (схватился за спинку стула). Не верю! Врешь.

Васса (спокойно). Утвердил.

Железнов. Я ему, подлецу, девять тысяч в карты проиграл. Я намекал ему... Еще одиннадцать дал бы...

Васса. На днях получишь обвинительный акт, после этого арестуют тебя, в тюрьму запрут.

Железнов. Пожадничала ты, пожадничала! Мало следователю дала. И Мельникову, видно, мало. Сколько дала, скажи?

Васса. За растление детей полагается каторга.

Железнов (сел, мотает головой, говорит глухо). А ты – рада?

Васса. У тебя дочери – невесты. Каково для них будет, когда тебя в каторгу пошлют? Кто, порядочный, замуж их возьмет? У тебя внук есть, скоро ему пять лет минет. Лучше бы тебе, Сергей, человека убить, чем пакости эти содеять!

Железнов. Тебя убить следовало, вот что! Убить, жестокое сердце твое вырвать, собакам бросить. Замотала ты меня, запутала. Ты...

Васса. Не ври, Сергей, это тебе не поможет. И – кому врешь? Самому себе. Не ври, противно слушать. (Подошла к мужу, уперлась ладонью в лоб его, подняла голову, смотрит в лицо.) Прошу тебя, не доводи дело до суда, не позорь семью. Мало о чем просила я тебя за всю мою жизнь с тобой, за тяжелую, постыдную жизнь с пьяницей, с распутником. И сейчас прошу не за себя – за детей.

Железнов(в страхе). Что ты хочешь, что тебе надо? Что?

Васса. Ты знаешь.

Железнов. Не быть этому! Нет...

Васса. Хочешь, на колени встану? Я! Перед тобой!

Железнов. Отойди. Пусти! (Пробует встать.)

Васса (нажала руками плечи его, втиснула в кресло). Прими порошок.

Железнов. Уйди...

Васса. Подумай – тебе придется сидеть в тюрьме, потом – весь город соберется в суд смотреть на тебя, после того ты будешь долго умирать арестантом, каторжником, в позоре, в тоске – страшно и стыдно умирать будешь! А тут – сразу, без боли, без стыда. Сердце остановится, и – как уснешь.

Железнов. Прочь... иди! Пускай судят. Все равно.

Васса. А – дети? А – позор?

Железнов. В монастырь попрошусь. Пускай постригут. В схимники. Под землей жить буду, а – буду!

Васса. Глупости говоришь. Прими порошок!

Железнов (встает). Не... не приму. Ничего от тебя не приму...

Васса. Прими добровольно.

Железнов. А то – что? Отравишь?

Васса. Сергей, вспомни о дочерях! Им жить надо. За пакости отцов дети не платят.

Железнов. А за матерей?

Васса. Бессмысленное сказал. Пойми, Сергей, я на суде молчать не стану. Я расскажу, как ты привозил в мой дом гулящих девок, как распутничал с ними, показывал гулящим-то Наталью с Людой, скажу, как учил их вино пить...

Железнов. Врешь! Это Прохор, брат твой, учил, Прохор.

Васса. Людмилку напугал, и оттого она вроде слабоумной, учиться не может, ни к чему не способна.

Железнов. А Наталья – вся в тебя, вся!

Васса. Так вот знай: все скажу суду и людям!

Железнов (встал, рычит). Отойди! Страшно глядеть на тебя. Пусти. (Оттолкнул ее, идет к двери.)

Васса (за ним). Прими порошок, Сергей...

Железнов. Нет!

Вышли. В двери – Лиза, в руках ее – поднос, на нем несколько штук разнообразных замков. За нею – Прохор Храпов с большим амбарным замком в руке.

Прохор (угрюмо). Из-за чего грызлись?

Лиза. Не знаю. Слышала только, что она уговаривала его порошок принять.

Прохор. Какой порошок?

Лиза. Наверное – лекарство?

Прохор. Какое лекарство?

Лиза. Откуда мне знать – какое?

Прохор. Ну, и дура! Сергею никаких лекарств не требуется. Он здоров, как верблюды. Мы с ним до четырех утра, всю ночь девятку ловили и коньяком питались.

Лиза. Содовый порошок, может быть.

Прохор. Еще раз – дура! Коньяк соды не требует. Чего торчишь? Поставь замки на стол. Ничего не видишь, не знаешь. За что тебе подарки дарю?

Лиза. Подарили вы мне! Скоро всем виден будет подарок ваш.

Прохор. Лучше – я, чем Пятеркин. Передвинь кожаное кресло, от солнца кожа портится, а ему шестьдесят пять рублей цена.

Лиза. Солнцу?

Прохор. Креслу, подарок мой сестре. Солнце ничего не стоит. Погоди-ка! Ты что это? Шутки шутить? Ты не забывайся, однако! Солнцу! Избаловала тебя сестра, как старая девка – кошку. Ступай к чертям! (Разглядывает бумаги на столе, чихает. Поет на «шестой глас».)

Под вечер осенью ненастной

В пустынных дева шла местах

И тайный плод любви несчастной

Держала...

Наталья (входит). Какой хороший день...

Прохор. Еще ничего не известно, день только начался. Ты что росомхой такой бегаешь? Не причесана... растрепа!

Наталья. Знаешь – решили судить отца.

Прохор (испуганно). Кто сказал?

Наталья. Евгений Мельников.

Прохор (сел). Ах, черт... Не отвертелся капитан. Вот те и Железновы! Вот те и Храповы, старинна честная фамилия! Дожили! Довел капитан наше судно. Ой, будет срама! По смерть всем нам срама хватит.

Наталья. Может, оправдают?

Прохор. Не в этом дело! Дело в суде, в позоре. И, наверное, засудят. Теперь такая мода: ежели богат, значит – виноват. Несчастные люди – богатые! Ты пойми – не столько капитана Железнова судить будут, сколько нас, Храповых.

Наталья. Ничего нельзя сделать?

Прохор. В Америку бежать, куда все жулики скрываются.

Наталья. А – подкупить суд?

Прохор. Делали. Сестра не одну тысячу посеяла, чтобы скандал этот погасить. Полиции дано, следователю – дано. Не вышло, значит. Теперь мне городским головой – не быть, тебе с Людмилой женихов своего круга – не найти, даже и с приданым вашим. Запачкал вас папаша – сукин сын, проходимец! Эх, идиётка...

Наталья. Мать?

Прохор. Ну да.

Наталья. Она – не идиотка.

Прохор. А на кой черт лезла замуж за капитана этого? Почти на двадцать лет старше ее.

Наталья. Вы уговаривали. Он приятель ваш.

Прохор. Я, я? Я – человек... не от мира сего! Да, я – добродушный. Артист в натуре. Я, молодой, мечтал в оперетке комиков играть. А он... по морям плавал! Эка важность! Мало ли дерьма по морям-то плавает!

Наталья. Она его любила?

Прохор. А поди ты к черту! Это не любовь, ежели от своего стада девка отбивается. Это – безумство! Ежели дворяне на цыганках, на актрисах женились – это нашему сословию не пример, не указ!

Васса (входит). Кто это тебе не указ?

Прохор. Мы тут с Натальей...

Васса. Вижу, что тут и с Натальей.

Прохор. Как Сергей-то?

Васса. Ничего. На сердце жалуется. Ната, скажи, чтоб чаю дали мне.

Наталья. Сказали бы прямо, что мешаю...

Васса. Да. И – мешаешь. А чай я еще не пила. Ты чего кричал?

Прохор. Закричишь! Суд-то не удалось отвести.

Васса. С девицами подожди говорить об этом. Сама скажу.

Прохор. Наталья знает. Она и сказала мне.

Васса. А ей – кто?

Людмила тихонько входит.

Прохор. Сын Мельникова. Напрасно девицы принимают его.

Людмила. Он интересный, а нам – скучно! Подруги всё хворают, не ходят к нам.

Васса. Ты, Люда, поди-ка помоги Лизе убраться в комнатах.

Людмила. Я хочу с тобой побыть. Что ты меня все толкаешь куда-нибудь?

Васса. Дела, Людок, хозяйство.

Людмила. Хозяйство, хозяйство! А для дочери и нет время, ни минутки!

Васса. Вот, буду чай пить – придешь, поговорим, а теперь – иди!

Людмила. Плакать хочется от этого. Я ведь знаю – ты будешь дядю Прохора ругать за то, что он папу распутным зовет, знаю!

Васса (глядя голову дочери, провожает ее к двери). Распутный, это... не обида. Распутный – распутывает. Кто-нибудь напутал, а он распутывает. Вот я – всю

жизнь распутываю путаницы разные...

Людмила. Это ты шутишь! Я ведь знаю, что такое распутный! Вот – дядя Прохор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/maksim-gorkiy/vassa-zheleznova>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)